

Роль и место информационного обеспечения процесса управления социумом

Кожевников Андрей Александрович

Канд. социол. наук, преп. каф. организации здравоохранения и общественного здоровья

ORCID: 0000-0003-2156-6364, e-mail: nvkz21021@mail.ru

Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей – филиал Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Новокузнецк, Россия

Аннотация

Рассмотрены вопросы, связанные с анализом роли и места информационного обеспечения процесса управления социумом. Цель исследования заключалась в анализе методологических подходов, используемых при социальном управлении общественным сознанием и оказании управляющего воздействия, в частности с помощью информационного кодирования, на население для их мотивации на активную деятельность. Выяснено, что по содержанию информационный код и данное кодирование, будучи основной частью коммуникаций социальной направленности и в целом социализации человека, можно характеризовать как социальный код и социальное кодирование. Установлено, что, будучи одним из связующих элементов общественных отношений, социальный код в качестве информационно-мыслительной категории присущ лишь управляемым системам, которым свойственна сигнально-информационная причинность между теми, кто генерирует код, и теми, кому он адресован. Определено наличие связи рассматриваемой проблематики с другими теориями, посвященными анализу причин возникновения, развития и функционирования социума. Применительно к Российской Федерации в сложившихся политических, социально-экономических и демографических условиях необходимо выработать социальный код (национальную идею), который не только должен быть понятен для населения, но и должен мотивировать их на активную позитивно ориентированную деятельность по достижению социально значимых для российского общества целей.

Ключевые слова

Кибербиосоциальное общество, мультикультурализм, пассионарность, социальное кодирование, социум, социальный код, социальное управление, солидарное государство

Для цитирования: Кожевников А.А. Роль и место информационного обеспечения процесса управления социумом // Вестник университета. 2025. № 11. С. 231-239.

Role and place of information support in the process of social management

Andrey A. Kozhevnikov

Cand. Sci. (Sociol.), Lecturer at the Healthcare Organisation and Public Health Department
ORCID: 0000-0003-2156-6364, e-mail: nvkz21021@mail.ru

Novokuznetsk State Institute for Further Training of Physicians – Branch of the Russian Medical Academy of Continuous Professional Education of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Novokuznetsk, Russia

Abstract

The article considers issues related to the analysis of the role and place of information support for the process of social management. The purpose of the study is to analyse the methodological approaches used in social management of public consciousness and the provision of control influence, in particular, through information coding, on the population to motivate them to be active. It has been found that, in terms of the content, the information code and this coding, being the main part of socially oriented communications and human socialisation in general, can be characterised as a social code and social coding. It has been established that, being one of the connecting elements of social relations, the social code as an information-mental category is inherent only in controlled systems that are characterised by signal-information causality between those who generate the code and those to whom it is addressed. The presence of connection between the problematic under consideration and other theories devoted to the analysis of the emergence causes, development and functioning of society has been determined. With regard to the Russian Federation, in the current political, socio-economic and demographic conditions, it is necessary to develop a social code (national idea), which should not only be understandable to the population, but should also motivate them to engage in positively oriented activities to achieve socially significant goals for Russian society.

Keywords

Cyberbiosocial society, multiculturalism, passionarity, social coding, society, social code, social management, solidarity state

For citation: Kozhevnikov A.A. (2025) Role and place of information support in the process of social management. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 231-239.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование общества как формы объединения людей, включающей все многообразие происходящих в нем процессов и отношений, сохраняет свою актуальность как в теоретическом, так и в прикладном планах. Это обусловлено стремлением научного сообщества приблизиться к пониманию данного социального образования для того, чтобы, опираясь на опыт прошлого, участвовать в формировании основ устойчивого развития человеческой цивилизации. Однако нельзя не учитывать тот факт, что существенное влияние на эволюционный процесс оказывают группы населения, обладающие реальной политической, военной, финансовой, экономической и информационной властью. При ее достижении они, как правило, стремятся сохранить свое доминирование в обществе путем подавления воли большинства независимо от того, что это может привести к усилению факторов риска и степени неопределенности в политической и социально-экономической сферах.

Отмечается, что контролируемое воздействие на население по значимости и последствиям только возрастает за период от первобытнообщинной формации до капитализма, понятие которого предложил в 1850 г. А. Блан [1]. В последнее столетие силовое решение проблем в интересах так называемых элит стало нормой и привело к мировым войнам с миллионами жертв и колоссальным ущербом. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время в форме глобализации и унификации не только экономических, но и социальных отношений. При этом, с одной стороны, на территориях, где расположены «развитые» страны, властями предпринимаются меры по поддержанию функциональной устойчивости сформированных там общественных и государственных институтов. С другой стороны, несмотря на создание международной системы сотрудничества и безопасности, те же представители «цивилизованного» мира для обеспечения своего доминирования способствуют процессу расширения в «неразвитых» и «развивающихся» странах зон хаоса и конфликта, провоцируя там вооруженные столкновения, прокси-войны, разрушения, голод и нищету. Научно-технический прогресс только усиливает угрозу массового уничтожения людей, а развитие социальных коммуникаций не приводит к значительному снижению степени конфликтности в социальной и политической сферах.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сложившиеся в обществе отношения в значительной степени ставят под сомнение возможность реализации в человеческом социуме динамического равновесия за счет согласия и взаимовыгодного сотрудничества, на что в свое время ориентировали Т. Гоббс в договорной теории происхождения государства, Ж.-Ж. Руссо – в теории об общественном договоре, О. Конт – в позитивизме, Э. Дюркгейм в исследованиях, посвященных рассмотрению целостности и социальной интеграции в условиях модерна. В определенной степени производными такого подхода стали идеологии как совокупности системно упорядоченных взглядов, выражающих интересы различных социальных классов, общностей и групп, позволяя тем самым осознавать и оценивать установленные формы господства и власти (консервативные идеологии) либо обосновывать необходимость их преобразования и преодоления (радикальные и революционные идеологии) [2].

Проблематика, посвященная классовой борьбе, а также религиозным, национальным и иным конфликтам рассматривалась К. Марксом, Ф. Энгельсом, К. Болдингом, Р. Дарендорфом, В.И. Лениным (Ульяновым), Ф. Ницше, Дж. Спенсером и др. В произведении «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер утверждал, что «капитализм, достигший господства в современной хозяйственной жизни, воспитывает и создает необходимых ему хозяйственных субъектов – предпринимателей и рабочих – посредством экономического отбора. Однако именно здесь со всей отчетливостью проступают границы применения понятия „отбор“ для объяснения исторических явлений. Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма „отбор“ в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, то есть для того чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некое мироощущение, носителями которого являлись группы людей» [3, с. 18].

К. Попер был основоположником учения об открытом обществе, которое, по его мнению, характеризуется динамичной социальной структурой, высокой мобильностью, способностью к инновациям, критицизмом, индивидуализмом и демократической плюралистической идеологией. В таком обществе человек сам выбирает мировоззренческие, нравственные ценности [4].

Анализ социальных фактов, фиксируемых средствами массовой информации (далее – СМИ), а также результатов научных исследований российских и зарубежных социологов, экономистов и политологов свидетельствуют о том, что социум с момента появления государства в качестве «публичной, политической власти господствующего класса (социальной группы, блока классовых сил, всего народа), располагающей специальным аппаратом управления и принуждения, которая, представляя общество, осуществляет руководство этим обществом и обеспечивает его интеграцию», приобрел качества кибербиосоциальной системы, фактически преобразовавшись в кибербиосоциальное общество [5, с. 19]. Следует отметить, термин «кибернетика» первоначально ввел в научный оборот А.-М. Ампер в своем фундаментальном труде «Опыт о философии наук, или аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний», определив ее как науку об управлении государством [6]. По его мнению, кибернетика должна обеспечить гражданам разнообразные блага в сочетании с получением, хранением, передачей и преобразованием информации в сложных социальных системах.

В настоящее время активно предлагается применять искусственный интеллект (далее – ИИ), который можно охарактеризовать как созданную человеком технологию, состоящую из устройства и разработанного алгоритма совершения определенных вычислений, позволяющих из совокупности сведений получать систематизированную, пригодную для восприятия человеком информацию. На ранней стадии развития общества такими устройства были, например, Стоунхендж, египетские пирамиды и т.д., а в современных условиях ИИ все больше ассоциируется с вычислительной техникой, приписывая ему свойства разума. Однако во избежание мистического восприятия данного продукта человеческого творчества, следует учитывать, что это информационные технологии, которые не могут осуществляться без техники, разработанного программного обеспечения, а также с учетом бионических принципов ее организации построения. Данный процесс был закономерен, так как сама техногенная среда по мере своего развития и формирования все больше ориентирована на приближение по своему функционированию к биологическим системам. Особенно это характерно для тех механизмов и технологий, которые ориентированы на их использование человеком. В связи с этим приоритетным становится рассмотрение проблем, касающихся возможности управления социумом, в частности посредством ИИ, и понимания тех коммуникационных процессов, которые влияют на поведение людей на популяционном уровне.

Наличие социальных сетей и других элементов современных систем коммуникаций, в которые все чаще вводятся нейронные сети, позволяет размыть границы между коллективным сознанием и индивидуальным бессознательным, побуждающим к действию или бездействию. Этому способствует создание такого информационного фона, когда люди считают знаниями то, что на самом деле является лишь их убеждениями. Часто они формируются за счет перехода от вербального к невербальному воздействию при большом объеме информации, которые предоставляют ежедневно современные СМИ. В этом случае человек, не успевая осознать предлагаемое, больше руководствуется на инстинктивном уровне штампами поведения и отношений, тем самым достигается утрата человеком личной идентификации. Данный эффект обеспечивается путем использования информационных кодов, которые, с одной стороны, ориентированы на оказание индивидуального воздействия, а с другой – несут общую социальную направленность, выступая в качестве социальных кодов. В таком контексте использование термина «код» (фр. code) неслучайно, так как по определению, которое дается в Большой советской энциклопедии, код – система условных знаков (символов) для передачи, обработки и хранения (запоминания) различной информации. Конечная последовательность кодовых знаков называется словом. В соответствии с Большой российской энциклопедией, код – конечное или счетное множество слов, при этом словом называется конечная последовательность кодовых знаков (букв, цифр, либо других символов, таких как плюс, минус, точка, тире и т.п.). Выбор кода определяется условиями передачи, обработки или хранения информации и связан главным образом с наиболее эффективным использованием каналов связи, обеспечением необходимой помехоустойчивости передачи и т.п. [7].

РОЛЬ И МЕСТО СОЦИАЛЬНОГО КОДА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Общепринятым является тот факт, что социальный код, будучи одним из связующих элементов общественных отношений, в качестве информационно-мыслительной категории присущ лишь управляемым системам, которым свойственна сигнально-информационная причинность между теми, кто генерирует

код, и теми, кому он адресован. Говоря о социальном коде и кодировании, следует отметить, что объем закодированной в знаке деятельности учитывает «вместимость» актора, которая должна быть соизмерима с его физическими и психическими возможностями. По своему содержанию кодирование сообщений является формой социального обучения, частью процесса социализации, следовательно, каждый человек в определенной степени может улучшить свое социальное кодирование [8]. В связи с этим направленность социализации и ее эффективность определяются тем, насколько предлагаемые населению коды соответствуют их социальным запросам и обеспечивают за счет выполнения практических действий удовлетворение их физиологических, культурных, религиозных и иных потребностей.

По функциональной структуре социальное кодирование, являясь четырехкомпонентным, предполагает наличие цели в форме идеи, оцениваемой как социальный код, субъекта в качестве группы населения, обладающей политической властью либо стремящейся ее получить, а также возможности использовать силы и средства, которые позволят данные цели достичь. При этом чем эффективней будет управляющее воздействие, реализуемое через кибернетическую составляющую доставки социального кода до населения, тем масштабней и активней будут реализовываться на практике планируемые «элитами» мероприятия. Для достижения цели управляющего воздействия необходимо, чтобы население, выступающее в качестве объекта, в этот период времени имело наибольшую востребованность в удовлетворении своих потребностей, связанных с предлагаемым кодом.

В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) царское самодержавие было уничтожено по причине того, что при ослаблении роли дворян в политике власть захватили их противники сначала под буржуазно-демократическими, а затем под социал-демократическими лозунгами. Следовательно, путем социального кодирования можно осуществлять социальное управление населением через усиление либо ослабление степени воздействия на их психику даже независимо от правовых норм и законодательства, которое регулирует основную часть общественных отношений, устанавливая ограничения и меры принуждения. Причина этого заключается в способности социального кода обладать потенциалом к мотивации населения на социальные действия при условии наличия гармонии между ним и состоянием социально-экономической ситуации. В обратном случае возникающая дисгармония приводит к деструктивности и ослаблению результативности. Например, призыв к патриотизму на фоне приверженности «элит» к иным взглядам, соответственно, не может быть понят и поддержан широкими слоями населения. Аналогичная ситуация обстоит с борьбой с коррупцией, когда те, кто ее провозглашает, сами постоянно совершают коррупционные действия либо в силу клановых связей «не замечают» ее у своего окружения и т.д.

С точки зрения подхода, основанного на социальном кодировании, можно объяснить, например, причинность пассионарности, которую Л.Н. Гумилев относил к социально-историческому явлению, утверждая, что в ограниченном ареале периодически возникают люди со специфической активностью (пассионарии) [9]. Он считал, что мера пассионарности – удельный вес этих пассионариев в социуме, среди которых по геодезическим линиям возникают массовые мутации, тем самым приводя к повышению уровня пассионарности (пассионарные толчки). Можно предложить альтернативную модель объяснения развития социума, согласно которой один из множества социальных кодов (идей), которые генерируются «элитой», воспринимается местным населением и служит причиной для их активных действий в масштабах, обусловленных наличием для этого соответствующих сил, средств и ресурсов. При этом состояние хозяйственно-экономических отношений может либо ускорять социальные процессы либо их замедлять. Особенно на данный факт указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, считая, что именно «совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [10, с. 6–7].

В качестве современного примера социального кодирования населения можно привести такой проект, как мультикультурализм, который активно реализуется на территории Западной Европы и Соединенных Штатов Америки (далее – США). Вместо ассимиляции как способа инкорпорации, когда меньшинство должно принимать нормы поведения, культурную среду, традиции большинства, населению навязываются идеи, основанные на мультикультуралистическом подходе, пропагандирующем самосегрегацию групп меньшинств. В этом случае защита от ассимиляции осуществляется посредством эндогамии, поддержания своеобразных обычаев, сохранения собственного языка и культуры, предпочтения деловых связей

внутри группы, совместным компактным проживанием. При таком подходе большинство вынуждено выполнять требования меньшинства, учитывать их взгляды независимо от того, насколько они отличаются от общепринятого и традиционного, которое в течение времени обеспечивало устойчивое состояние общности и социальных отношений. В качестве примера можно привести борьбу в США за однополые браки (запрещены в России). Так, в штате Айова правозащитная организация Lambda Legal, имея достаточно сильные позиции в верховном суде штата, добилась признания неконституционным запрет на однополые браки, тем самым получив возможность склонить общественное мнение на свою сторону, убеждая в признании их как части общественной жизни. В штате Вермонт поддержка однополых союзов была обеспечена законодательным путем. Активистам, выступающим за права гомосексуалов, удалось преодолеть губернаторское вето с голосованием 100 чел. против 49 чел., переманив на свою сторону нескольких законодателей, которые изначально голосовали против. При проведении этого закона была еще одна дополнительная защита: по выражению журналиста Washington Post К. Ричбурга, «в Вермонте нет механизма отмены законов посредством проведения референдума»¹.

В обоих случаях субъекты притязаний были успешны в том, что добились поддержки своей позиции от агентов государства – в одном случае это суды, в другом – законодатели. Они сделали это, несмотря на то что большинство населения Айовы было против, а оппоненты в Вермонте имели свои козыри, хотя и не столь сильные, как в Айове [11].

О том, что в данном случае имеет место целенаправленное кодирование населения, результатом которого является разрушение такого социального института, как семья в ее традиционном понимании, свидетельствует П. Кивисто, отмечая в своей статье, что в течение примерно 10 лет исследователи общественного мнения спрашивали американцев об их мнении по данному вопросу и за это время доля поддерживающих однополые браки увеличилась на 11–12 %, а доля их противников уменьшилась на аналогичную величину. Более того, существует явный поколенческий разрыв: люди младше 30 в довольно значительном большинстве поддерживают однополые браки. По мнению П. Кивисто, если бы гомосексуалы заявили о своем праве на вступление в брак поколение назад, их бы просто не приняли всерьез: идея о возможности таких союзов еще была невообразимой².

Применение социального кодирования населения отмечается в настоящее время в отдельных странах Европы, когда пронационалистически настроенное меньшинство, получив доступ к власти и опираясь на молодое поколение, которое выросло под влиянием русофобской идеологии, активно воздействует на большинство, подавляя любое инакомыслие. На примере Украины можно на практике видеть последствия реализации сформулированных на Западе антироссийских идей, позволивших увлечь население на совершение действий с риском для их жизней. Формируемая ими политическая система схожа с системами, созданными фашистами в Италии, нацистами в Германии, террористами на Ближнем Востоке и т.д., которые, используя социальные коды, побуждали в первую очередь маргинально настроенную часть населения к совершению антигуманных и разрушительных для них самих действий, основываясь на стремлении последних получить те блага, которых в повседневных условиях у них не было.

Социальное кодирование сочетается с такими современными концепциями социальной структуры, как дуальность структуры Э. Гидденса, теория процесса двойного структурирования социальной реальности П. Бурдьё и потоковое структурирование Дж. Урри. По мнению Э. Гидденса, объяснить механизм причинности и взаимосвязи возможно в том случае, когда структурные ограничения вплетены в мотивационную область индивидуальных акторов, что позволяет им, не будучи осознаваемыми индивидами, участвовать через их деятельность в воспроизводстве институционального порядка [12]. П. Бурдьё также считал, что шансы занять выгодную позицию в том или ином социальном поле зависят от изначальной принадлежности агента к этому полю, вписанности в него, неосознанной подчиненности его законам через посредство инкорпорированной структуры габитуса [13]. В результате социального кодирования актору, если использовать терминологию П. Бурдьё, предоставляется «шанс» получить место в социальной иерархии либо доступ к ресурсам.

Чем понятен для актора код, моделирующий его действия, тем высока вероятность его реализации на практике даже в условиях (по теории сложности Дж. Урри), когда мир описывается в качестве системы, характеризующейся такими чертами, как взаимообусловленность глобального и локального уровней,

¹ Richburg K.B. How gays won a marriage victory. Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/id/wbna30220215> (дата обращения 17.08.2025).

² Там же.

диспропорции между причиной и следствием событий, дисбаланс, необратимость и непредсказуемость процессуальных трансформаций, включенность наблюдателя в наблюдаемое явление, рассмотрение явлений в динамике [14]. Понимание механизмов социального кодирования упрощает восприятие проблем неравенства в рамках теории потоковых структур Дж. Урри, а также по отдельным ключевым позициям методологий стигматизации и популяризации новых идей и теоретических построений.

В рамках исследованной темы заслуживает внимание мнение Ж.Т. Тощенко, который, рассматривая некоторые вопросы развития современного социологического знания, пишет: «Принципиально новое знание достигается не столько через исследование позитивных и нормальных состояний объекта исследования, сколько через то, что приводит к искажению реальности... Поэтому изучение деформированных и превращенных видов общественного сознания и социальной практики (парадоксальность, депривация, стигматизация, кентавризм, аномия, фрустрация и т.д.) может принести впечатляющие и далеко идущие результаты» [15, с. 4]. Стигматизация в данном случае рассматривается как пример теоретического искажения социальной практики. Беда в том, что оно может иметь весьма массовый характер. Однако не следует сводить стигматизацию только к этому искажению. Она имеет более широкий социальный смысл, выделяя и омассовляя потоки информации [16].

ВЫВОДЫ

Применительно к РФ в сложившихся политических, социально-экономических и демографических условиях необходимо сформировать актуальный для населения социальный код (национальную идею), который был бы понятен и ориентирован на достижение обозначенных целей. Например, если предложить гражданам социальный код (идею) о необходимости формирования суверенного государства созидающего позитивизма, основанного на принципах социальной справедливости и солидарного интернационализма, то, несмотря на содержательную рациональность понятий, какого-либо мотивирующего воздействия оказано не будет, даже если трактовать позитивизм (фр. *positivisme*, от лат. *positivus* – положительный) не как научный метод, философское учение, которое в дальнейшем получило развитие в неопозитивизме и постпозитивизме, а как социальную идею, призванную побудить на совершение деятельности, в данном контексте – способствовать творчеству и самореализации граждан, а солидарный интернационализм противопоставить процессу глобализации как альтернативный социальный проект, тем более что в мире есть его сторонники, в частности члены Всемирного федералистского движения и другие левые антиглобалисты. Однако в целом вышеуказанный код слишком условен и требует определенного уровня теоретических знаний. Более доступным и понятным для населения мог бы быть социальный код (национальная идея), который заключался бы в формировании такого понятия, как «Солидарная Россия», выступающего по содержанию в качестве Евразийского союза и государства правды, где солидарность (лат. *solidus* – прочный) – это активное сочувствие каким-нибудь мнениям или действиям, общность интересов, одинаковый образ действий или убеждений.

Опираясь на данную идею-образ, мы можем обозначить миссию страны по ряду направлений.

1. Центр сохранения и развития духовных ценностей народов, проживающих в РФ и вне ее, вобравший все положительные стороны деятельности различных светских и религиозных организаций с опорой на тех, кто, обладая высокими моральными и духовными качествами, способен с целью социального единения добиться баланса интересов индивидуума и общества независимо от этнической и религиозной принадлежности. Осуществить это возможно путем цивилизованной социализации личности и формирования позитивно ориентированного поведения на традиционных ценностях, эффективность которых проверена временем. Данная идеологическая модель могла бы способствовать ликвидации мировоззрений, пропагандирующих экстремизм, сатанизм и другие человеконенавистнические учения, в частности допуская применение активных мер государственного воздействия к их проповедникам и сторонникам как носителям угрозы для населения. Россия может стать духовным центром человеческой цивилизации, прежде всего демонстрируя это на примере воспитания молодого поколения, ориентированного на созидание и развитие своих творческих качеств в интересах своей страны. Для этого необходимо за счет социальных лифтов обеспечить равенство в правах и в возможности получения доступа к образованию, работе, к материальным и имущественным благам.

2. В экономической сфере вышеуказанный социальный код предлагает осуществить переход от общества потребления (англ. *consumer society*, термин ввел немецкий социолог-фрейдомарксист Э. Фромм), как

совокупности общественных отношений, организованных на основе индивидуального потребления [17]. Цель данного процесса будет заключаться в построении сбалансированной экономики на принципах необходимой достаточности и целесообразности, учитывающей интересы большинства. При таком подходе предлагается использовать ресурсы не для получения прибыли любой ценой, а для улучшения качества жизни населения и обеспечения его жизнедеятельности, тем самым обуславливая усиление государственного участия в производственной деятельности по наиболее важным стратегическим направлениям.

3. «Солидарная Россия» как пример идеи-образа в качестве социального кода в политической сфере устранила бы возникновение латентного недовольства населения, проявляющегося в равнодушии либо протестных действиях по отношению к порядку формирования законодательных органов власти и к власти вообще. Существующая деструктивность в данной сфере обуславливает необходимость формирования системы, в рамках которой наряду с политическими партиями представители по одномандатным округам могли бы выдвигаться непосредственно от проживающего там населения и, что особенно важно, из их числа. В данном контексте уместно вспомнить земства и советы не в качестве органов местного самоуправления, а в качестве структур, способных обеспечить процедуру выбора жителями той территории, которая будет избирательным участком, кандидатуры как в местные Советы народных депутатов, так и в вышестоящие законодательные органы. В этом случае местное население начинает участвовать в выборной компании еще на этапе выдвижения от них своих кандидатов, становясь тем самым из пассивного участника выборов за счет социальной мотивации субъектом данного процесса. При этом в случае выбора их кандидата в органы законодательной власти степень ответственности у них будет на порядок выше, чем у тех, которые выдвигались политическими партиями либо были самовыдвиженцами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функциональная устойчивость государственной власти в случае внедрения предлагаемого идеи-образа только усилится. Однако вышеуказанные коды невозможно использовать в настоящее время, так как «элита» и население находятся под влиянием либеральных кодов (идей), которые направлены на подавление национальной самоидентификации в интересах создания глобальной кибернетической системы тоталитарной управляемости и контроля – кибербиосоциального общества. При этом решение задачи социального развития общества во многом зависит от позиции «элит», уровня их «духовности» и от понимания того, что постоянное стимулирование потребительского спроса приводит к конфликту интересов по причине того, что развитие технологий сокращает востребованность в человеческом труде и тем самым приводит к снижению уровня финансового обеспечения населения.

Все чаще в СМИ, особенно западных, продвигается идея о том, что с каждым годом увеличивается «человеческий балласт», который не только не участвует в процессе формирования прибыли, но и требует средства на свое содержание. Если с позиции государства это не является нерешаемой проблемой, то для предпринимателя (капиталиста, банкира) данная ситуация нежелательна и побуждает их к инициированию различных конфликтов с целью устранения той части населения, которая, по их мнению, иррациональна в данной экономической модели, имеющей по своей сути кризисный характер. Это осуществляется как традиционно с помощью войн, так и неявным способом, например, путем поддержки однополовых браков, внедрения ювенальной юстиции, допущения эпидемий и т.д.

На фоне снижения цен на энергоносители, в том числе на нефть, где себестоимость данной продукции достаточно высокая, по мере углубления экономического кризиса наличие такой социальной прокладки, как олигархия, для РФ становится серьезным обременением. Устранение ненужных посредников при перераспределении получаемой прибыли в ближайшем будущем станет важнейшей социальной задачей для общества, проблемой его выживания. Таким образом, усматривается, что социальные коды и социальное кодирование сохраняют свою актуальность в настоящее время по степени возможного влияния на общество и государство обуславливая необходимость дальнейшего научного исследования данной проблематики.

Список литературы

1. Бланк А. Организация труда. 9е изд. Париж: Bureau du Nouveau Monde; 1850. 240 с.
2. Семигин Г.Ю. Идеология. В кн.: Новая философская энциклопедия. Том 2. 2е изд., перераб. и доп. М.: Мысль; 2010. С. 81–83.

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Избранные произведения. М.: Прогресс; 1990. С. 61–272.
4. Понтер К. Открытое общество и его враги. Пер. с англ. В.Н. Садовского. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992.
5. Лазарев В.В. (ред.). Общая теория права и государства: учебник. 3е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ; 2001. 520 с.
6. Ампер А. Эссе на тему философии науки. Париж: Bachelier; 1834. 272 с.
7. Прохоров А.М. (ред.). Большая советская энциклопедия. Том 12. Кварнер – конгур. 3е изд. М.: Советская энциклопедия; 1973. 694 с.
8. Шалак В.И. Социальное программирование. Социальное время. 2016;1(5):51–60.
9. Гумелев А.Н. Этногенез и биосфера Земли. 2е изд., перераб. и доп. Ленинград: Ленинградский государственный университет; 1989. 496 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Пер. с нем. 2е изд. Том 13. М.: Госполитиздат; 1959. 772 с.
11. Кивисто П. Теперь мы все действительно мультикультуралисты. Журнал социологии и социальной антропологии. Пер. с англ. 2016;2(19):19–45.
12. Федорова С.А. Современные концепции социальной структуры: от интегративных теорий к теориям потоков. Журнал социологии и социальной антропологии. 2016;2(85(19):46–59.
13. Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской. М.: Socio-Logos; 1993. 333 с.
14. Urry J. Global complexity. Cambridge: Polity; 2003. 184 p.
15. Тошченко Ж.Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике. Социологические исследования. 2010;7(315):3–6.
16. Елсуков А.Н. Стигматизация как средство омассовления информации. Социологические исследования. 2014;2:3–10.
17. Фромм Э. Человек одинок. Пер. с англ. Р.Е. Облонской. М.: Иностранная литература; 1966. 7 с.

References

1. Blanc L. Organisation of labour. 9th ed. Paris: Bureau du Nouveau Monde; 1850. 240 p. (In French).
2. Semigin G.Yu. Ideology. In: New philosophical encyclopaedia. Volume 2. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Mysl; 2010. Pp. 81–83. (In Russian).
3. Weber M. The protestant ethic and the spirit of capitalism. In: Selected works. Moscow: Progress; 1990. Pp. 61–272. (In Russian).
4. Popper K. The open society and its enemies. Trans. from Eng. V N. Sadovsky. Moscow: Kulturnaya iniciativa; Fenix; 1992. (In Russian).
5. Lazarev V.V. (ed.). General theory of law and state: textbook. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Jurist; 2001. 520 p. (In Russian).
6. Ampère A. Essay on the philosophy of science. Paris: Bachelier; 1834. 272 p. (In French).
7. Prokhorov A.M. (ed.). The Great Soviet Encyclopedia. Volume 12. Kvarner – kongur. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1973. 694 p. (In Russian).
8. Shalak V.I. Social programming. SocioTime. 2016;1(5):51–60. (In Russian).
9. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere. Leningrad: Leningrad State University; 1989. 496 p. (In Russian).
10. Marx K., Engels F. Works. Trans. from Ger. 2nd ed. Volume 13. Moscow: Gospolitizdat; 1959. 772 p. (In Russian).
11. Kivisto P. We really are all multiculturalists now. The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2016;2(85(19):19–45. (In Russian).
12. Fedorova S.A. Modern concepts of social structure: from integrative theories to concepts of flow. The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2016;2(19):46–59. (In Russian).
13. Bourdieu P. Sociology of politics. Trans. from Fr. E.D. Voznesenskaya. Moscow: Socio-Logos; 1993. 333 p. (In Russian).
14. Urry J. Global complexity. Cambridge: Polity; 2003. 184 p.
15. Toshchenko Zh.T. Theoretical and applied issues of new phenomena in studies. Sociological Studies. 2010;7(315):3–6. (In Russian).
16. Eluskov A.N. Stigmatization as a means for information massification. Sociological Studies. 2014;2:3–10. (In Russian).
17. Fromm E. The aloneness of man. Moscow: Foreign Literature Publ. House; 1966. 7 p. (In Russian).